

УДК 821.112.2-342.09

Е.Е. БЕРЕСТЕНЬ,
*кандидат исторических наук,
доцент кафедры английской филологии и перевода
Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля*

А.А. ПЛЮЩАЙ,
*преподаватель кафедры английской филологии и перевода
Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля*

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОМИЧЕСКОГО В БАСНЯХ ГОТХОЛЬДА ЭФРАИМА ЛЕССИНГА

В предлагаемом исследовании произведён детальный анализ и сделаны выводы в отношении наиболее часто употребляемых языковых средств выражения комического в баснях Готхольда Эфраима Лессинга. Особое внимание уделяется стихотворным и прозаическим басням поэта.

Ключевые слова: выражение комического, басня, юмористический жанр, проза.

Великий драматург Г.Э. Лессинг мало кому известен в роли баснописца. Его басенное наследие является ранним творчеством и не подвергалось детальному анализу отечественными и зарубежными литературоведами. Поэтому тема нашего исследования является весьма актуальной и интересной для филологов. Обращение к категории комического обусловлено тем, что жанр басни изначально определяет все ее виды. Об этом свидетельствует высказывание Ю.М. Лотмана: «...Отсутствие сатирического момента в басне воспринимается как некоторая неполнота, нарушение ожидания, которое само может быть источником значений. Сообщение о наличии в басне сатирического элемента вряд ли кого-нибудь поразит – оно содержится в самом определении жанра» [1, с. 217].

Прежде чем приступить к анализу басен Лессинга с целью выявить виды комического (гротеск, ирония, сатира, сарказм, юмор) в отдельно взятых тезисах, мы обратились к работам отечественных ученых М.М. Бахтина, Ю.В. Манна, Г.А. Ломидзе, В.П. Шестанова, А. Щербина, давшим богатый материал для осмысления комического применительно, например, к жанру басни Лессинга.

Литературная Энциклопедия дает следующее определение: «Комическое – эстетическая категория, подразумевающая отражение явлений, содержащих несоответствие, несообразность или алогизм, и оценку их посредством смеха» [2, с. 189]. По мнению авторов энциклопедии, истинно комическим является смех, как его определил Н.В. Гоголь: «Это смех, который углубляет, заставляет выступить ярко то, что проскользнуло бы, без пронзительной силы которого мелочь и пустота жизни не испугали бы так человека» [2, с. 189]. Для комического характерно противоречие между сущностью и видимостью, нередко комическое прикрывает серьезное, драматическое. Комический персонаж обыкновенно смешон, поскольку он не сознает себя таковым. Комическое предполагает сосредоточенность на одной черте характера, упрощение психологической мотивировки его поступков.

Остроумному движению мысли свойствен неожиданный поворот «изгиб», вследствие которого она обнажает также смысловые связи, которые остаются незамеченными при «нейтральном» ходе ее развития («собственно парадокс»). А. Щербина определяет

парадокс так: «Нечто невероятное и кажущаяся нелепость, за которой скрывается определенный смысл – это литературный парадокс» [3, с. 146]. Такого рода парадоксы не имеют логического противоречия. Для них характерны гибкость и богатство смысловых связей и ассоциаций. Истинное сострадание комического слова, по А. Щербиной, предполагает определенную эстетическую и познавательную ценность мысли, ее содержательность и истинность. Однако комический эффект может порождаться и легкой шуткой.

На некоторые стороны концепции теории комического М.М. Бахтина обратил внимание Ю.В. Манн. В частности, высокое и низкое, верх и низ связаны подвижно и диалектно благодаря смеху, смеховому отношению к миру, сознанию относительности всего сущего. У М.М. Бахтина смеховое и серьезное отношение к миру разделены по полюсам – неофициальной и официальной идеологии. Неофициальное – это демократическое, народное. Теория комического Бахтина носит универсальный характер. Он устанавливает определенную иерархию, согласно которой комические формы, отступающие от «карнавала», являются низшими. «Узкое место» концепции карнавала – простое эстетическое чувство и так читательский опыт, который есть у каждого из нас, говорят о том, насколько пестрым, красочным и богатым выглядит поле современного комизма» [4, с. 10]. Согласно идее карнавализма, смеющийся всегда прав. Диалектичность теории карнавализма, согласно Ю. Манну, в том, что она выражает идею вечного обновления народного коллектива, обрекающего на смерть все слабое и нежизнеспособное. В данном случае важным орудием этого, по мнению Г.А. Ломидзе, является смех в ответ на действия комических характеров, их поражения.

Смех является весьма важным оружием критики и отрицания уродств и вообще всяких отрицательных явлений, мешающих движению общества вперед. Смех характеризуется многообразными формами проявления. Он встречается почти во всех жанрах, в том числе и в драме и даже в трагедии. Ломидзе говорит: «Комическое в искусстве возникает на основе художественного изображения действительности, но, несмотря на это, оно существенно отличается от комического явления самостоятельной действительности» [5, с. 145]. Ученый делает вывод, что смех вообще и смех, вызывающий эстетическое удовольствие, также существенно отличаются друг от друга.

Для Шеллинга комическое выступает как форма эстетизации безобразного, превращая его в предмет искусства. «Изящное искусство может обратиться к сфере низкого, лишь, поскольку оно в ней достигает идеала и его совершенно переворачивает. Это переворачивание есть сущность комического» [6, с. 279].

Целью нашей статьи является анализ средств выражения комического, к которым прибегнул Г.Э. Лессинг в своём басенном творчестве, а также выявление наиболее характерных приёмов юмористического жанра в его произведениях.

Разновидностями комического являются юмор, сатира, ирония, сарказм, гротеск, которыми насыщены как ранние (поэтические), так и поздние (прозаические) басни Лессинга. Рассмотрим средства выражения этих приёмов в баснях Лессинга, начав с сатиры.

Сатира (лат. *satira*) – это вид комического, беспощадное, уничтожающее переосмысление объекта изображения (и критики), разрешающееся смехом, специфический способ художественного воспроизведения действительности, раскрывающей ее как нечто превратное, несообразное, внутренне несостоятельное [2, с. 370]. Сатира «моделирует свой объект, создавая образ высокой степени условности, что достигается направленным «искажением» реальных контуров явления с помощью преувеличения, заострения, гиперболы, гротеска». Характерна резко выраженная негативная окрашенность объекта. Например, сатирична мораль басни «Воробей и Мышь». *Ein unbiegsamer F*** will kühn wie Milton singen. Nach dem er Richter wählt, nach dem wird's ihm gelingen.* – Неудачник Ф*** хочет петь так отважно, как Мильтон. Ему это удастся, когда он выбирает судью. (Здесь и далее перевод наш – Е.Б., А.П.). Путем едкой сатиры разоблачается действительность, ее несообразность. Этот же прием наблюдается в басне «Дуб и Свинья»: *Meine dankbaren Blicke sollten nicht außenbleiben, wenn ich nur wüßte, daß du deine Eicheln meinetwegen hättest fallen lassen.* – Мои благодарные взгляды не были бы напрасны, если бы я только знала, что ты позволяешь падать своим желудкам из-за меня. Сатиричный эффект достигается за счет фразеологического оборота в басне «Сова и Искатель сокровищ». *Weil ich stille Betrachtungen liebe, kann ich deswegen*

von der Luft leben? – Если я люблю тихое созерцание, то это означает, что я должна питаться воздухом?

Под сарказмом (гр. *sarkasmys*) понимают суждение, содержащее единую, язвительную насмешку над изображаемым, высшая степень иронии [2, с. 369]. Связь сарказма и иронии зафиксирована еще античными теоретиками. Сущность сарказма не исчерпывается более высокой степенью насмешки, обличения, но заключается в особом соотношении двух планов – подразумеваемого и выражаемого. Если в иронии дан второй план и полностью выражено иносказание, то в сарказме иносказание нарочито ослаблено. Сарказм – это «исчезающая ирония».

Иллюстрацией сарказма, по нашему мнению, может служить следующий контекст: *Sich, weil du ihn noch siehst!* – Смотри, потому что ты его еще видишь! – Здесь явная насмешка одного персонажа (Воробья) над другим (Мышью). Насмешку автора над персонажами видим и в высказывании: *Doch kaum, daß ihr ungleicher Flug. Sie beide bis zur Höhe gemeiner Bäume trug* – Но вряд ли их непохожий полет донесет их до высоты обыкновенных деревьев. Сарказм автора выражается в басне «Танцующий Медведь» в том, что он называет «Танец на задних лапах» искусством: *Auf den gewohnten Hinterfüßen tanzen... das ist Kunst*.

Следующий приём выражения комического – гротеск – определяется как «тип художественной образности, основанный на фантастике, смехе, гиперболе, причудливом сочетании и контрасте фантастического и реального, прекрасного и безобразного, комического и трагического, правдоподобия и карикатуры» [9, с. 241]. Гротеск создает особый аномальный мир, неестественный, странный, каким его представляет автор. Сама форма гротеска освещает вольность вымысла, обуславливает совмещение полярностей, разрушает общепринятое «застывание» формы мышления и поведения. Гротескное противопоставление, возникающее на основе антонимичных лексем *Fluch* и *Scherz* находим в басне «Медведи» *Dort brauchet man nur Fluch, hier brauchet man nur Scherz* – Там нуждаются только в проклятье, здесь в шутке. Также гротескно возвеличивание жала Комара в басне «Лев и Комар»: *Mein Stachel sei gelobt! – Хвала моему жалю!* – комический эффект возникает из-за совмещения низкого (жало) и высокого (хвала).

Гротескную ситуацию изображает Лессинг в басне «Орех и Кошка», когда последняя испытывает сладострастие возле орехового дерева: *Hier fand der Katze Lusternheit. Beim nächsten Nußbaum nun*. Сладострастие нельзя испытать от одного вида орехового дерева – это не тот предмет, который вызывает такое чувство. При совмещении правдоподобия и карикатуры возникает комизм.

Ирония, как вид комического, «выражает насмешку или лукавство, иносказание, когда слово или высказывание обретают в контексте значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающие его, ставящее под сомнение» [2, с. 132]. Ирония – это понимание и противоречие под маской одобрения и согласия «ключ к иронии содержится в контексте или интонации. По Домшневу, «контекст, который способствует увеличению многозначности, созданию окказиональных значений, коннотаций, усилению одних сем и нейтрализации других, называется стилистическим контекстом» [7, с. 52].

Рассмотрим пример: *Und dieser wagt's ihm nachzudringen* – А этот рискует ему подражать. В подражании нет никакого риска, поэтому эта лексема нейтрализует предыдущую «рисковать». Таким эффектом обладает вид комического. Фразеологизм в басне «Солнце» придает контексту ироничное звучание: *Muß man, wenn du erzählst. Und uns mit albern Fabeln quälst, Sich denkend noch den Kopf zerbrechen?* Иронична оценка баснописца в басне «Лев и Комар»: он называет комического персонажа «мой герой» – «mein Held», хотя Комар, как показывает контекст, далеко не герой, он скорее антигерой.

Иронию находим в басне «Бык и Теленок»: «*O ihr Herren, wie gern wollen wir uns ärgern lassen, wenn jeder von euch ein Bayle werden kann!*». Контекст и интонация дают «ключ» к иронии – *господа никогда не приблизятся к Бейлю и поэтому условие, поставленное автором, невыполнимо*.

Следующий вид комического – юмор. Согласно этимологии слова, юмор – заведомо «своенравен», личностно обусловлен, отмечен отпечатком «странного» умонастроения самого юмориста. В целом юмор стремится к оценке жизненно сложной, хотя с виду причуд-

ливий тотальності, к адекватному личному существу предмета, целостности, свободной от односторонностей общепринятых стереотипов. Юмор – это отношение сознания к объекту, сочетающее внешне комическую трактовку с внутренней серьезностью [2, с. 521]. Юмористические приемы видим во многих баснях: «Олень и Лис»: *Wenn Hund und Jäger auf mich fallen; Nun widersteh ich allen*. Олень говорит серьезно о том, что вызывает улыбку, так как его высказывание противоречит реальности. Примеры юмора находим в басне «Распятие» – *Der erste Künstler war der beste – Первый художник был лучший* – здесь нет ни насмешки, ни критики – это добрый смех. *Hans, der aus dem Trauin erwachte – Ганс, который очнулся от оцепенения*. Решение «проблемы» повергло Ганса в оцепенение – это не соизмеримо с таким процессом как размышление. Здесь комизм сочетается с серьезностью – налицо безграмотность персонажа. *Wenn du's nicht weißt; wie soll ich's wissen? – Если ты этого не знаешь; почему я должен это знать?* Забавно, что невежество героев одинаково велико. С помощью юмора раскрывается с виду «причудливая» тотальность изображаемой ситуации: *So? Weißt du etwa schon, über junge Dirnen, Du weißt doch nichts von Dieberei, von Blut?*

Комична ситуація, когда пастор спрашивает о незнакомом для персонажа, от чего недоумение приводит к смеху. Комизм достигается за счет контраста между уверенностью пастора в грешности Ганса и полнейшем недоумении последнего. Эта уверенность выражается через модальные частицы *so, doch*.

Средствами комического выступают гиперболы и литота. В. Флейшер говорит о гиперболе так: «Hyperbel wiedergibt den Sachverhalt nicht so, wie er wirklich ist, sondern in übertriebener Darstellung» – «Гипербола представляет соотношение вещей не таковым, как оно действительно есть, а в преувеличенном свете» [8, с. 156]. Преувеличение находим в басне «Осел и Охотничий Конь»: *Ich trat mir vor einigen Monaten einen Dorn in den Fuß, und der schmerzt mich noch*. Замечание героя о том, что царапина от колючки болит несколько месяцев, вызывает смех.

Литота, по определению Э. Ризель – это «Eine Periphrase aufgrund von Verneinung. Durch die Aussage von dem, was nicht geschieht, wird die Aufmerksamkeit besonders stark auf das gelehnt, was geschieht» – «перифраза на основе отрицания. Благодаря высказыванию того, что не происходит, внимание особенно сильно обращается на то, что не происходит» [9, с. 155]. Пример литоты находим в басне «Бронзовая статуя»: *Der gute Mann würde dieses noch ganz erträgliche Stück auch nicht hervorgebracht haben, wenn ihm nicht die Materie der alten Bildsäule dabei zustatten gekommen wäre!* За счет того, что подчеркивается невозможность создания шедевра без материала старой статуи, что нелогично, явным становится факт независимости мастерства художника от материала.

Средством сатиры является аллюзия – «намеки на реальный политический, исторический или литературный факт, который предполагается общеизвестным» [2, с. 10]. Рассмотрим пример в басне «Тайна»: *Ich kenn' ein drolliges Volk, mit mir kennt es die Welt*.

Баснописец имеет в виду масонов. Контекст подсказывает, что речь идет о них, несмотря на собирательный образ Volk – народ. Намек Лессинга на то, что их (масонов) знает весь мир, абсолютно верен, так что это общественное, социальное, политическое явление.

Таким образом, можем сделать вывод о том, что главными средствами выражения комического, которые использует баснописец Лессинг, являются сатира, с помощью которой поэт разоблачает несообразность действительности («Сова и Искатель сокровищ»); сарказм – содержащий язвительную насмешку автора над персонажем, которая часто звучит в реплике другого персонажа («Воробей и Мышь»); гротеск – в основе которого лежит антонимическое сопоставление низкого и высокого, что вызывает смех («Орех и Кошка», «Лев и Комар»); ирония, где большую роль имеет стилистический контекст, когда слово приобретает другое значение. Этой же цели служит также фразеологизм («Солнце») и интонация. Широко представлен в баснях добрый юмор, который сочетается с серьезностью поднимаемой проблемы («Распятие»); гиперболы демонстрирующие отношения несовпадающие с реальным соотношением вещей («Осел и Охотничий Конь») литота, усиливающая внимание читателя на действии за счет отрицания его («Бронзовая статуя»); аллюзия, которая соединяет аллегоричный мир басни и реальный мир благодаря намеку.

В качестве перспективы развития данного исследования можно предложить сравнительный анализ средств выражения комического в баснях Лессинга, Лафонтена и Крылова.

Список использованных источников

1. Лотман Ю.В. Анализ поэтического стиля. Структура стиха / Ю.В. Лотман. – М.: Наука, 1972. – 217 с.
2. Кожевникова В.М. Литературный энциклопедический словарь / В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
3. Щербина А. Заметки о технике и искусстве комического. Русская литература / А. Щербина. – М.: Наука, 1966. – 145 с.
4. Бахтин М.М. Сатира / М.М. Бахтин // Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – С. 11–38.
5. Ломидзе Г.А. Некоторые вопросы эстетической сущности комического / Г.А. Ломидзе // Проблемы эстетики и теории литературы. – Тбилиси: Мецниереба, 1979. – С. 134–145.
6. Шеллинг Ф. Философия искусства / Ф. Шеллинг. – М.: Наука, 1966. – 229 с.
7. Домашнев А.И. Интерпретация художественного текста / А.И. Домашнев. – М.: Просвещение, 1989. – 211 с.
8. Fleischer W. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, G. Michel. – Leipzig: Hochschule, 1975. – 316 s.
9. Riesel E. Deutsche Stilistik / E. Riesel, E. Schendel. – М.: Высшая школа, 1975. – 235 s.

References

1. Lotman, Y.V. *Analiz poeticheskogo stilya. Struktura stiha* [Poetic style analysis. Verse style]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 217 p.
2. Kozhevnikova, V.M., Nikolayeva, P.A. *Literaturnyyi entsiklopedicheskiy slovar* [Literature encyclopedic dictionary]. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1987, 752 p.
3. Scherbina, A. *Zametki o tehnike i iskusstve komicheskogo, Russkaya literatura* [Notes of techniques and art of the comic, Russian literature]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 145 p.
4. Bahtin, M.M. *Satira* [Satire]. *Sobranie sochineniy : v 7 t.* [Work Collection: in 7 vol.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, vol 5, pp. 11-38.
5. Lomidze, G.A. *Nekotoryie voprosy esteticheskoy suschnosti komicheskogo. Problemy estetiki i teorii literatury* [Some issues about esthetics of the comic. The problems of esthetics and literature theory]. Tbilisi, Metcniereba Publ., 1979, pp. 41-45.
6. Shelling, F. *Filosofiya iskusstva* [Arts philosophy]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 229 p.
7. Domashnev, A.I. *Interpretatsiya hudozhestvennogo teksta* [Literary text interpretation]. Moscow, Prosveschenie Publ., 1989, 211 p.
8. Fleischer, W., Michel, G. *Hyperbel, stilistik der deutschen Gegenwartssprache* [Stylistics of the modern German]. Leipzig, Hochschule Publ., 1975, 316 p.
9. Riesel, E., Schendel, E. *Deutsche Stilistik* [German Stylistics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1975, 235 p.

У запропонованому дослідженні виконано детальний аналіз та зроблено висновки щодо найбільш уживаних мовних засобів вираження комічного у байках Готгольда Ефраїма Лессінга. Особлива увага приділяється віршованим та прозовим байкам поета.

Ключові слова: вираження комічного, басня, юмористичний жанр, проза.

In the proposed research it is attempted to carry out a detailed analysis and make conclusions concerning the most frequently used expression means of the comic in the fables of Lessing. Special attention is paid to versicular and prose fables of the poet.

Key words: expression of the comic, fable, humorous genre, prose.

Одержано 7.11.2016.